

Интервью — Нилс Муйжниекс, комиссар Совета Европы по правам человека

Комиссар Совета Европы — о фантастическом миллиарде Владимира Путина, независимости российских судов и негативных последствиях сотрудничества с США

Ольга Проскурнина

Vedomosti.ru

Чтобы попасть в кабинет Нилса Муйжниекса в главном здании Совета Европы, нужно проделать долгий путь по лабиринту коридоров с множеством одинаковых дверей и металлических шкафов для документов. Ориентироваться удастся только благодаря проявлениям индивидуальности некоторых сотрудников: у кого-то на двери висит афиша уличного фестиваля в Страсбурге, а у кого-то — фотографии российских правозащитниц Анны Политковской и Натальи Эстемировой. У комиссара Совета Европы по правам человека дверь самая обычная. Сам он совсем не производит впечатления евробюрократа — большую часть жизни Муйжниекс провел в США, куда его родители бежали из Латвии в конце Второй мировой, — и охотно соглашается начать интервью с «Ведомостями» раньше назначенного времени.

— Какой вам видится ситуация в России с точки зрения соблюдения прав человека? Изменилась она со времени вашего первого визита в Россию в октябре 2012 г.?

— Думаю, ситуация очень противоречивая. Есть определенный прогресс в некоторых вопросах. Когда в первый раз я был в России и говорил о событиях в казанском ОВД «Дальний», где в результате жестокого обращения погиб человек, реакция [официальных лиц] была примерно такая: мы ничего не знаем и, возможно, это вообще было самоубийство. В апреле речи были уже совершенно другие: да, это ужасно и если это произошло в Татарстане, то это очень серьезно, потому что Татарстан — передовая республика. Это было интересное изменение, произошедшее за шесть месяцев. Я также с интересом узнал о мерах, принятых после этого события: введено видеонаблюдение [в ОВД], немало работников МВД было уволено, возбуждено немало уголовных дел, Следственный комитет поднимал старые дела, возбужденные по заявлениям жертв жестокого обращения [в полиции]. Представитель одной неправительственной организации даже сказал, что [за все это] жертве жестокого обращения в полиции следовало бы поставить памятник. И самое главное — изменения в профессиональном отборе новых полицейских и то, что появилась «дорожная карта» для реформы полиции. Эти шаги были очень позитивными. Но пока очень мало прогресса в некоторых громких чеченских делах, связанных с убийствами журналистов и правозащитников. Очень противоречивы выводы об изменениях в области правосудия — в том, что касается новых правил подачи апелляций. Мы еще изучим эту ситуацию. Хорошо, что заработал закон о выплате компенсаций за длительные сроки рассмотрения дел и были введены новые досудебные меры пресечения, не связанные с лишением свободы, — домашний арест и освобождение под залог. Очень важно расширять эту практику. Мы много говорили о проверках некоммерческих организаций (НКО), которые совпали с моим апрельским визитом в Россию. Еще осенью я поднимал вопрос насчет закона об иностранных агентах на встрече с депутатами Госдумы, мы тогда еще поспорили на эту тему. На мой взгляд, «иностраный агент» — крайне негативный ярлык в российском контексте. В Европейском суде по правам человека все страны называют своих представителей агентами — за исключением России, у которой в Европейском суде по правам человека работает уполномоченный. Значит, агент — это не нейтральный термин. (Улыбается.) В законе очень широко трактуется понятие политической деятельности. Полгода назад мне говорили, что этот закон — еще теория и надо посмотреть, как он будет работать на практике. А сейчас мы уже знаем! (Иронически смеется.) Я очень обеспокоен этими проверками и вижу, что они оказывают парализующий эффект на деятельность некоммерческого сектора. И это тоже очень странно, потому что в некоторых областях организации, которые подвергаются

прокурорским проверкам, — признанные партнеры властей. Они участвуют в президентском Совете по правам человека, в общественных советах, которые наблюдают за ситуацией в местах лишения свободы, их руководители состоят в общественных советах при ряде министерств. Но почему же так относятся к партнерам властей? (Усмехается.) Это плохо еще и потому, что это не только партнеры властей — это наши партнеры. И нам трудно работать, если им трудно работать. Я регулярно поднимал этот вопрос на встрече с представителями власти, и они говорили: надо вести отчетность прозрачно. Я отвечал, что сам не против прозрачности и отчетности — но надо ввести какие-то правовые гарантии. Власть не может, когда ей угодно, вмешиваться в работу некоммерческого сектора. По этому вопросу я буду продолжать свой диалог с российскими властями.

— А кто участвует в этом диалоге с российской стороны?

— Я встречался со многими людьми, начиная с [министра иностранных дел] г-на Лаврова. Министр юстиции был в отпуске, и мы беседовали с его заместителем Максимом Травниковым. Потом я встретился с г-ном Чайкой, генеральным прокурором, который старался объяснить, что он делает, почему и как. Господа Лукин и Федотов — тоже наши собеседники, так же как и представители судебной системы, Госдумы и Совета Федерации. Я поднимал этот вопрос [о проверках НКО] практически везде.

— Вы не знаете, чем кончилась история с открытым письмом ведущих российских НКО Путину? После его интервью германскому телеканалу ARD они попросили президента обнародовать информацию о тех загадочных 654 НКО, которые, по информации Путина, получили из-за рубежа \$1 млрд. Сами авторы письма, по их словам, в число получателей миллиарда не входили.

— Я тоже не знаю, откуда такие цифры, потому что они какие-то фантастические. Я спрашивал об источниках этой информации у моих собеседников из российской власти, и они сказали: «Это служебная информация, мы не знаем». (Смеется.) Я надеюсь, что будет какая-то информация после всех этих проверок. По-моему, там смешивается разная информация — о каких-то фондах, связанных с иностранным бизнесом, о некоммерческом секторе и о многом другом. Все это звучит странно.

— У российских некоммерческих организаций к вам прямой доступ? Они сами могут обращаться к вам за помощью, когда вы в Страсбурге?

— Да, буквально в тот же день, что мы с вами беседуем, у меня будет несколько встреч с ними. И когда я еду в Россию, как и в другие страны, мы сами организуем встречи с местными неправительственными организациями. Мы это делали и в Казани, и в Москве, и в Санкт-Петербурге. И это везде и всегда делается без участия представителей власти.

— Если в какой-то стране, как сейчас в России, ухудшается ситуация с соблюдением прав человека, что вы можете сделать? Как конкретно вы можете на такую страну повлиять?

— Думаю, тут надо задаться вопросом, как вообще Совет Европы может повлиять на ситуацию, какие рычаги у нас есть. Есть юридические рычаги, есть Европейский суд по правам человека, который единственный из всех институтов Совета Европы может принудить власть что-то изменить и что-то сделать. Есть политические методы — от Парламентской ассамблеи Совета Европы до заявлений генерального секретаря. А моя работа — дать совет, помощь, какой-то критический анализ, может быть, показать, в каких странах есть хорошая практика, и предоставить аргументы, которые впоследствии могут быть использованы людьми и институциями, которые хотят осуществлять реформы. Что можно сделать, если есть нарушения прав человека? Это может быть давление со стороны стран, входящих в Совет Европы. Еще есть такая проблема: что

делать, если правозащитник подвергается репрессиям за сотрудничество с Советом Европы? Такие случаи были в разных странах Совета Европы. Сейчас у нас нет внутренней процедуры, которая обеспечивала бы применение каких-то санкций. Такая процедура есть в ООН. И мы тоже начали дискуссию по этому вопросу. Мы можем сотрудничать с людьми, которые поддерживают реформы, — с правозащитниками, омбудсменами, депутатами и политиками. Но заставить сделать что-то очень трудно.

— Как вы оцениваете эффективность российских омбудсменов?

— Думаю, очень хорошо, что практически во всех субъектах Федерации сейчас существует этот институт. Ситуация в республиках очень разная, но в целом это очень хорошо — потому что это наши партнеры на местах, очень надежные источники информации, которые могут поднимать голос в защиту прав человека. Надо укреплять этот институт и его независимость. Порой омбудсмены действительно независимы от властей, но к их рекомендациям не прислушиваются. Я думаю, что г-н Лукин делает очень полезное и важное дело и, если бы власти выполняли его рекомендации, у меня было бы меньше работы. (Улыбается.)

— Вы наверняка следите за российскими громкими делами — за делом Ходорковского, делом Pussy Riot, так называемым делом 6 мая. Каковы ваши впечатления от происходящего?

— Согласно моему мандату, я не могу заниматься индивидуальными жалобами. Но если какое-то дело указывает на структурные и системные проблемы, мы изучаем этот вопрос. Все эти дела связаны с функционированием системы правосудия: долгие сроки предварительного заключения, условия содержания, доступ к медицинской помощи, независимость и беспристрастность судей, законодательство, которое допускает очень широкое толкование. Всеми этими вопросами мы занимаемся. Даже те, кто критикует судебную систему, пользуются ею, стараются отстаивать свои права через суд. И это указывает на определенный прогресс, ведь 25 лет назад даже не пытались. (Смеется.) Я не хочу комментировать эти дела по отдельности, но все они, очевидно, показывают, что надо укреплять независимость и беспристрастность судов. Некоторые меры были приняты, но еще очень многое надо сделать, чтобы было доверие к судебной системе.

— У нас очень низкий процент оправдательных приговоров. Что с этим можно сделать?

— Да, я этот вопрос очень часто задавал в России — что у российской судебной системы есть обвинительный уклон. Это связано с исторической ролью прокуратуры, с системой оценки работы прокуроров и судей — дескать, если оправдывают — значит, не работают! — и вообще с правовыми гарантиями людей в судебной системе. Именно об этом я говорил с г-ном Лебедевым, председателем Верховного суда, и с г-ном Зорькиным [председателем Конституционного суда], и в Минюсте и т. д. Очень трудно избавиться от исторического наследия в судебной системе. Но надо работать над этим день за днем, потому что именно из-за громких дел люди думают, что правосудие невозможно.

— У вас много научных работ посвящено феномену прав человека. По сути, пристальное внимание общества и государства к ним стало возможным только после двух мировых войн. А в каком направлении ситуация будет развиваться дальше? Очень часто защита прав человека смешивается с текущими политическими интересами, и отделить одно от другого бывает очень трудно.

— Я недавно выступил в Гааге с докладом о будущем прав человека в Европе. Там я анализировал некоторые негативные тенденции, которые ослабляют ситуацию в этой сфере. Прежде всего это борьба с терроризмом и сотрудничество с США, которое повлекло за собой очень серьезные нарушения прав человека — причем впоследствии

не было опубликовано никакой отчетности о том, кто и что сделал, кто и за что был наказан и т. д. Это имело место во многих европейских странах. Вторая тенденция — это влияние экономического кризиса. Есть некоторый демократический регресс и в Евросоюзе, и в Совете Европы, и в России в том числе — не во всех областях, но во многих. Есть критика решений Европейского суда по правам человека со стороны некоторых влиятельных политиков в Великобритании, которые хотят исполнять не все его решения, а только некоторые. А если такой подход распространяется, это конец системы. Вообще, после первого года работы я понял: Европейский суд по правам человека является ключевым институтом и без него у Совета Европы было бы меньше возможностей повлиять на ситуацию. Наш самый главный элемент — это юридический стандарт. У Евросоюза очень мало юридических стандартов в области защиты прав человека, у ОБСЕ их вообще нет. Для нас это главный элемент: если суд по правам человека работает плохо — значит, вся система не работает. Надо сделать все возможное, чтобы укреплять влияние суда, чтобы все страны исполняли его решения. Вообще, я оптимист. Старые дела, которыми был загружен Европейский суд по правам человека, постепенно решаются. Главное, сейчас мы знаем, как надо и как не надо реагировать на экономический кризис. Нельзя отменять институт омбудсмена и ограничивать доступ граждан к правосудию. Это очень важно во время кризиса — чтобы были какие-то минимальные социальные стандарты, которые нельзя игнорировать, и чтобы все население вместе с малозащищенными группами имело возможность дискутировать с властями перед тем, как принимают бюджет. Иначе потом они будут дискутировать на улицах! Но какой-то прогресс во всех этих областях есть, включая дело аль-Масри в Европейском суде по правам человека — оно касается сотрудничества Македонии и США в борьбе с терроризмом. Некоторые люди в Италии были наказаны в результате его расследования. Но что делать с демократическим регрессом в целом — это сложнее. Тут все зависит от желания лидеров соблюдать права человека, от понимания, что это в их интересах, потому что это связано и с экономическим развитием этих стран, и с функционированием политической системы в целом.

Страсбург

Источник: http://www.vedomosti.ru/library/news/11869201/agent_eto_ne_nejtralnyj_termin_nils_mujzhnieks_komissar#ixzz2XJSfAxo1